

НЕ УЗНАЛ СЕБЯ

В мирной жизни затируха была уже «не та», не фронтовая...

Фронтовик Юрий Лешер

Раненую руку Юрий разрабатывал игрой на музыкальных инструментах

ПРИ ЖУРНАЛИСТСКИХ расспросах все чаще сталкиваемся с отказами фронтовиков вспомнить о войне: говорят, что здоровье не позволяет волноваться и что многое забыли.

Но есть и хранители правды о Великой Отечественной: семьи ветеранов войны, берегающие от забвения воспоминания вчерашних солдат. Так случилось в семье кавалера орденов «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга» Юрия Чеславовича Лешера: его давно нет в живых, но вдова Вероника Александровна с точностью хроникера воспроизводит рассказы мужа как картины фронтовых будней.

Излюбленный кинематографический сюжет: известие о войне наутро после выпускного бала застало выпускника днепропетровской десятилетки Юрия Лешера к полудню. И сразу вчерашних школьников отрядили на рытье окопов. А еще через несколько дней многих из них прямо из свежесрытых окопов эвакуировали в Магнитку вместе с родителями, работниками металлургического завода. В мирное время Юрий мечтал о медицинском, но в Магнитке

выбирать не приходилось: поступил в горный. А вскоре вместе с другими студентами был призван на фронт. После военной школы будущие сухопутные морские разведчики на Ленинградском фронте познавали военную прозу: мокрые бинды, мысли о еде, страх смерти.

Бывали невероятные ситуации. Как-то Юрия в составе разведгруппы направили в расположение фашистских частей. Выходя ребята из леса в немецкой форме, а перед ними – немцы на привале. Вражеский офицер обращается к старшему из наших: почему, мол, не в строю. Тот единственный в группе говорит по-немецки – не растерялся: дескать, с задания. Объяснение приняли, предложили пообедать в полевой кухне. Наши голодные – кроме затирухи давно ничего не видали, и хлеба-то не хватало. А тут: бобы, кофе, хлеба навалом, но кусок в горло не лезет. По совету старшего смотрят в землю, чтобы никто с ними не разговорился. Но численность и вооружение приметили. Пообедали – и дальше, «выполнять задание».

Только когда ушли далеко, рискнули достать флаги – старший группы сам велел выпить по глотку спирта. Вернулись – получили поблажку: два часа сна.

Несмотря на плохое зрение – Юрий Лешер всегда носил очки, служил он и в пулеметной роте. В тяжелых боях чудом спасся от смерти, покосившей всех его товарищей: раненый его увезли в госпиталь до окончания боя. Госпиталь располагался в старинном здании Ленинградской художественной академии. Юрий вспоминал, как, войдя в его стены, увидел идущего навстречу смутно знакомого человека. И лишь приблизившись, понял: это он сам отражается в зеркале, изможденный, обросший. Себя не узнал.

Раненую руку подлечили. Она еще долго плохо слушалась, и Юрий еще в госпитале разрабатывал ее игрой на пианино – спасибо педагогам, техника у него была богатая.

Другой низкий поклон – учительнице, вдовейшей их класс в парк на парашютные вышки. Но то в мирное время, совсем другое – когда ты корректировщик огня на передовой. На первых порах бывало: висят они с инструктором в корзине стратостата в теплых вагонках, спасательных жилетах, наушниках, за спиной – парашют. Подлетают «мессеры» – приходится выпрыгнуть или расстреляют в воздухе. Парень летит, вдруг что-то по лбу ударило, руки-

ноги растянуло – «убит?» Нет, стропы рванули. Повис с парашютом на березе, инструктор помог спуститься, еще в воздухе сыплет на него матом. Помог стажеру отцепить стропы, сунул флажок со спиртом – держись, сынок.

После много раз ночами поднимались над финским заливом. Кроме фашистского снаряда – еще опасность. Случись прыгнуть, мало надежды, что тонким лучом найдут с берега на поверхность воды. А на волнах долго не продержаться: спажилет тяжелый, в нем не пошевелишься, он раздувается и некоторое время держит на плаву, но после наполняется водой и – топтит.

Был Лешер и пехотинцем. Его часть наступала в Кенигсберг по узкой дорожке, отмеченной саперными вешками на минном поле. Ворвались в немецкий госпиталь – а там живых не осталось: раненые на носилках расстреляны своими, ходячие рассеяны в оконных проемах. То ли не надеялись на пощаду, то ли не хотели ее.

Случилось Юрию переохоранивать погибших. В первый раз старшина велел спуститься в могилу, поднимать тела. Юрий наклонился – и едва не упал от запаха разложившихся трупов. Но совладал с собой.

В юности не курил. Была детская попытка, окончившаяся отвращением к табаку. А на фронте покурился – не из удовольствия, а чтобы перебить запах разлагающихся трупов, что сопровождает солдата всю войну. И к боевым стаграммам привычка осталась на всю жизнь – не до алкоголизма, но в охотку. А еще много лет помнил вкус затирухи, даже просил жену приготовить такую. Но в мирной жизни она была уже «не та», не фронтовая.

После войны работал Юрий Лешер на «метизке», уважали

его там очень. Любил дома играть на пианино. Его приглашали в музучилище, ценили высокую технику игры, но он уже выучился на рентгенолога, занимался на производстве дефектоскопии – отказался. На один из его юбилеев коллеги посвятили ему «домашние» стихи:

*Вы наш Юрий,
наш Чеславич,
Мы сегодня все вас славим,
Ордена у вас, медали –
за победу их вам дали.
И за долгий, честный труд
ветераном вас зовут.*

Вспомнить всех

Даже при журналистском богатстве общения с интересными людьми нечасто берет на такого собеседника, как Вероника Александровна Лешер, в девичестве – Стригулина. Дело не в том, что ей повезло на знакомство и родство с яркими, талантливыми людьми и соприкосновение с драматическими судьбами. У нее самой есть талант наблюдать и понимать человеческую природу.

Жаль, о себе Вероника Александровна говорить отказывается – а ей есть что порассказать. И все же автор благодарен собеседнице за готовность делиться воспоминаниями об ушедшем. Все невыдуманные истории сегодняшнего выпуска «Вех» – это рассказы о людях, которых Вероника Стригулина знала в разные годы – с кем жила в бараке или училась в школе, кто были ее семьей или случайными знакомыми. Автор приносит извинения за обрывочность воспоминаний людям, которые больше знают о героях публикации – цельные сведения можно собрать только по крохам. А потому – будем благодарны всем, кто откликнется, чтобы пополнить копилку памяти о магнитогорском прошлом.

Коммунизированная Геля

ВСТРЕЧА

ГЕЛЯ ТИКИДЖИ унаследовала фамилию от отца-грека. Полное имя ее было Энгельсина, получила она его при «коммунизации» – этим обрядом после революции заменили крещение, по которому она получила первое имя Марианна.

Ее мама Анна Павловна работала учительницей русского языка, отец был инженером, жили безбедно, подкармливали Гелю одноклассницу из бедной семьи, забавившую по утрам по дороге в школу. Как-то та, как обычно, зашла за подружкой, а домработница на улице на сундуке плачет: главу семьи ночью арестовали, семью выселили...

После учебы Геля вместе с мамой работала в школе в самом заброшенном уголке города – Старой Магнитке, куда, кроме как катером, ни на чем не доберешься. Позднее окончила горный институт, потом перебралась с мамой в Мариуполь к родне. Личная жизнь у Энгельсины не сложилась. Жила она письмами, фотографиями, воспоминаниями. Через много лет навестила Магнитку, где у нее никого не осталось. Увиделась с однокурсниками – очень рада была встрече. Сколько таких вокруг: одиноких от сознания сиротства...

Вместе не пропадем

РОДНЯ

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ до войны служил в Ленинграде командиром подводной лодки. В последние мирные дни отправил семью – жену Людмилу и троих детей – в Великие Луки на отдых. Вдруг – война.

В Магнитке родня Максимовых получает телеграмму: «Вчера отправил к вам Людмилочку. Всех детей потерял. Любите ее». Людмила в Магнитке поначалу жила на аттестат жены военнотруженика. Через некоторое время приходит известие: муж осужден военным трибуналом, расстрелян. За что – никаких объяснений. Аттестат Людмиле перестали высылать. Некоторое время жила на средства, вырученные от продажи своих вещей, потом поступила технологом на швейную фабрику.

Магнитогорская родня приняла и Володина отца, оказавшегося в тяжелой ситуации где-то под Уфой: Василий Иосифович Максимов, когда-то начальник подмосковной станции, занимавший ответственные должности в годы русско-японской войны, много помогавший чужим и близким, в семидесять лет оказался один, больной, на чужой холодной кухне, полуголодный, на пайке необходимого овса. Людмила, уже успевшая связаться с чужим городом, сумела выбить разрешение на его проезд. К тому времени сюда же перебралась Володина тетя. Она ждала брата, Василия Иосифовича, постоянно поддерживая кипиток на плите: в военную пору вода и тепло – первые средства спасения. Наконец приехал. Входит незнакомый, с температурой под сорок, шарф шевелится от вшей. Одежду – в выварку, самого – брить, купать, кормить военным борщом. К вечеру семья собралась: он лежит, в себя приходит. После благодарил и их, и бога: без ухода не чаял выжить.

Когда освободили Ленинград, оказалось: в блокаде выжила еще одна его дочь – Володина сестра – она работала на военном заводе. Сколько радости было! Отец немедленно переехал к ней, успев даже поработать на «Красном треугольнике». Прожил он после этого недолго, умер легко, во сне.

Стул имени Серго

БАЙКА

ЛЕГЕНДА ГЛАСИТ, что колченомому четвероному эта кличка досталась по заслугам.

В дни посещения Магнитки Серго Орджоникидзе посетил городские барачи в сопровождении Авраамия Завенягина. Вошли – женщина стирала возле кипятильника. Товарищ Серго стал ее распрашивать о бытовых условиях. Она смеюлась, что гости непростые, но кто такие – невдомек. Предложила им стул – какой нашелся, колченогий. На всякий случай нахваливает барачный быт, а сама тоже распрашивает:

– Вы из квартирной комиссии? Где-то я вас видела. Гости улыбаются, подтверждают. Идут к следующей двери. А там нянька с ребенком – простовата, без политики. Они – к ней: «Потолки не текут? Клопы не заедают?» Там им все как есть выложила – и про потолки, и про насекомых: «Как, окаянные, по головам ходят!»

Говорят, после этого посещения Магнитка взялась за строительство благоустроенного жилья для рабочих. А стул, на котором Серго Орджоникидзе посидел минутку, назвали его именем – догадались, кто приходил.

Воронки помешал

СУДЬБА

В ТРИДЦАТЫЕ жила в бараке семья Нидеккер. Родители работали бухгалтерами в гостинице, дочь Рита училась играть на скрипке. Жили скромно, экономили на всем, чтобы построить дом в районе нынешней Казачьей переправы.

К тридцати седьмому поставили двухэтажный дом, разбили сад на двенадцати сотках горной земли. Но как-то ночью приехал черный ворон за главой семьи Виталием Эдуардовичем. Больше семья не видела ни отца, ни его брата – двадцатичетырехлетнего Александра Эдуардовича, виолончелиста, незлобивого человека, жена которого в ту пору ждала ребенка. Отец Виталия и Александра Нидеккер-старший, из «русских немцев», был сломлен арестом сыновей и вскоре умер. Семья боялась и за его дочь Зинаиду, но та была замужем, с другой фамилией – Нестерова, и ее беда обошла.

Оля, рожденная после ареста отца – младшего из братьев Александра Нидеккера, носившая его фамилию, все детство и юность прожила с клеймом дочери врага народа. «Я врагов и предателей по глазам вижу», – грозил директор в школе. Она замирала: получалось, ее и глаза «выдавали», и фамилия. А жене старшего из братьев Виталия по требованию властей пришлось расторгнуть брак и вернуть девичью фамилию. Позднее вместе с дочерью Ритой, получившей музыкальное образование и работавшей преподавателем скрипичного мастерства, она переехала в Риту. В хрущевскую оттепель они побывали в Магнитке, надеясь узнать о судьбе арестованного и получить законную компенсацию за имущество: после ареста Виталия Эдуардовича у них отняли дом и сад. Удалось получить лишь лживую отписку: «Виталий Нидеккер умер от гипертонии». Отнятый дом семье поначалу пообещали вернуть, но там давно жили другие люди, и жене с дочерью перепала лишь небольшая компенсация.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Учреждению ИЗ-74/2 требуются на службу мужчины в возрасте от 18 до 40 лет.

Образование высшее: на должности главного энергетика, начальника отдела интendantского и хозяйственного обеспечения, начальника отдела коммунально-бытового обеспечения, врача-инфекциониста, терапевта.

Образование среднее: на должности младшего инспектора отдела режима и младшего инспектора отдела охраны, водитель-сотрудник. Заработная плата от 11 до 14 тыс. рублей, отсрочка от призыва в ВС РФ в соответствии с действующим законодательством.

Льготы сотрудников органов внутренних дел: льготное пенсионное обеспечение – 1 год службы за 1,5 года, отпуск 35 суток + дорога, бесплатный проезд сотруднику и членам семьи к месту отдыха и обратно (включая зарубежные страны); ежегодная материальная помощь. Обращаться по адресу: г. Магнитогорск, ул. Танкистов, 19, отдел кадров, тел. 48-25-47. Проезд: на общественном транспорте до ост. «Полевая» или маршрутными такси № 22, 24 до остановки «Тюрьма».

Учреждению ИЗ-74/2 требуются на работу: повар общественного питания, заведующая столовой, кладовщик общественного питания, кладовщик отдела интendantского и хозяйственного обеспечения, инспектор отдела коммунально-бытового обеспечения, комендант отдела коммунально-бытового обеспечения.

Заработная плата договорная, соц. пакет. Обращаться по адресу: г. Магнитогорск, ул. Танкистов, 19, отдел кадров, тел. 48-25-47. Проезд: на общественном транспорте до ост. «Полевая» или маршрутными такси № 22, 24 до остановки «Тюрьма».

Уважаемые магнитогорцы!

Общественная организация «Союз молодых металлургов» совместно с Ассоциацией юристов России организуют юридические консультации по вопросам семейного, жилищного, трудового законодательства. Получить совет, рекомендации квалифицированных специалистов сможет каждый молодой человек. Прием состоится 20 мая с 18.00 до 20.00. Запись по телефону 24-17-02. Место проведения консультации – общественно-политический центр Магнитогорска (южный вход МПГУ, ул. Ленина, 38).

Природу человека нельзя переделать, судьбу нельзя изменить.

МЭН-ЦЗЫ

«Дедушка» в девятнадцать лет

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

ОН МОГ СТАТЬ спортивной славой города, а стал примером отваги.

Яша Комаров до войны был футболистом, вратарем. Успел окончить семь классов и получить специальность. Призван вместе с другом Володей Соколовским, с ним же в училище перед фронтом принят в партию.

Когда их окружили фашисты, он успел закопать документы вместе с партбилетом, так что его не расстреляли. В плену работал на рудниках в нечеловеческих условиях: все однопольчане, плененные вместе с ним, умерли от непосильной работы и скудной кормежки. Ему, поожоже, тоже оставалось недолго топтать землю: весил не больше тридцати пяти килограммов. Как-то их колона продвигалась мимо гражданских

пленных. Шестнадцатилетняя украинка Нина, угнанная в фатерланд и работавшая на табачной фабрике в чуть лучших условиях, чем военнопленные, грызла сухарь. Яша, проходивший последним в колонне, неселе пошутил: «Счастливая – у тебя хлеб есть». Она ему протягивает: «Возьми, дедушка». А он ей: «Девочка, мне девятнадцать».

После она ему то картофелину сырую из-за сетки подает, то ломоть хлеба кинет через охранника. Не раз доставались Нине туммаки от надсмотрщиков, но Яшу она поддерживала.

Когда Красная Армия приближалась к концлагерю, фашисты легко избавились от пленных: подсыпали отраву в еду, а на Яшин барак ее не хватило. Красноармейцы освободили пленных, и Яшу Комарова назначили комендантом городка. Яша с

Ниной там же, в Германии, поженились. Раздобыли для невесты капроновое платье, бант в волосы – красота.

Мать в Магнитке Яшу уже оплакала: несколько лет никаких известий. А тут такая радость. Молодые вернулись изможденными, их здесь откармлили. Скоро у Комаровых было троє детей.

А в сорок восьмом Яшу арестовали: плен для красноармейца – «измена Родине». Нина тогда была беременна четвертым. Без мужа ей детей было не поднатяг. Решилась на прерывание беременности. Конечно, подпольно: недаром в женских консультациях развешивали лозунги «Спасибо товарищу Сталину за то, что запретил аборт». После криминального аборта Нина умерла. Яков после разоблачения культа личности вернулся без ноги, снова женился. Но это была уже другая жизнь.

МАГАДАНСКАЯ «ГАДЮКА»

Выжила, потому что любила Диккенса

АЛЕКСЕЮ ТОЛСТОМУ было с кого писать свою «Гадюку» – женщину, прошедшую горнило гражданской войны, лишившую личной жизни, да и просто части жизни, но не потерявшую чувства собственного достоинства.

Легендарная горожанка Маргарита Далингер, уже ушедшая из жизни, как нельзя лучше вписывается в этот типаж.

У семьи Далингер были давние революционные корни. Глава фамилии Яков Кондратьевич руководил техникумом в Кунгуре. Его старшая дочь Маргарита, большевичка с революцией, молодой приехала в Магнитку в числе первостроителей, была человеком команды Орджоникидзе и Ломинидзе. После их загадочных самоубийств она

попала в волну арестов и была сослана в Магадан на двадцать пять лет.

Ее младшая сестра Тамара с одобрения мужа носила передачи, пока Маргариту содержали в НКВД. Поплатилась комсомольским билетом, но от сестры не отрелась. Даже дочь в честь сестры назвала Маргаритой.

Брат Маргариты Владимир тоже посылал передачи сестре и не избежал репрессий. Его, главного инженера крупного пермского авиапредприятия, арестовали вместе с женой, пытали. Их сына Витю отправили в сибирский детдом для детей врагов народа, и только усилиями тетки, обратившейся к Антону Макаренку, удалось найти и забрать его. Через три года родителей с подорванным здоровьем выпустили из тюрьмы. Владимир Яковлевич прожил недолго. Похоронен он с почетом в Новодевичьем.

Виктора тоже уже нет в живых. Был он видным архитектором.

А Маргарита Яковлевна оказалась цепкой к жизни. Дважды ее, полуживую, раздетую донага, вместе с умершими выбрасывали из лагерного больничного барака для доходяг: считали мертвой. И оба раза спасали урки – проходила мимо, узнавали:

– Та баба, что красиво сказки рассказывает. Смотри, дышит.

Накидывали на нее свое тряпье, тащили под руки в барак, растирали руки-ноги, отпавляли кипятком и жидким супом. Так ее спасали нечистотой и умение пересказать Чехова и Диккенса.

Разоблачение культа личности Сталина избавило ее от каторги: Маргарита была освобождена. Но кто питал характер сидельца: долго еще

жила в Тюмени – вероятно, прикипела к местам, с которыми, по-Маяковскому, вместе мерзла и голодала. Позднее сестра переманила ее обратно в Магнитку. В Магнитогорском горкоме партии Маргариту долго убеждали восстановиться на работе. Она согласилась не сразу.

Старые знакомые уже не узнавали в ней ту Маргариту. К прежней уверенной интонации она прибавила еще и командные нотки. Огубела, в том числе в словах. Но до конца жизни не позволяла себе быть плохо одетой или непричесанной: возможно, там, на зоне, приняла неоспоримое правило выживания – не давать повода к жалости. Уже немощной, ожидая гостей из горкома по случаю шестидесятилетия ее партстажа, облачилась в домашнюю, но новую одежду. Умерла она скоропостижно.